

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

№ 8

1954

А. ТВАРДОВСКИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

ЗА ДАЛЮ—ДАЛЬ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 8

А. ТВАРДОВСКИЙ

ЗА ДАЛЬЮ — ДАЛЬ

Из путевого дневника

Издательство «ПРАВДА»

Москва. 1954

А. ТВАРДОВСКИЙ

Александр Трифонович Твардовский родился 21 июня 1910 года в деревне Загорье, Смоленской области, в семье кузнеца. Учился в сельской школе.

С 1928 года А. Твардовский работал в Смоленске в областной газете. В 1930 году вышла отдельной книгой его поэма «Путь к социализму» («Молодая гвардия»). В 1934—1936 годах им была написана поэма «Страна Муравия», удостоенная в 1941 году Сталинской премии второй степени.

По окончании Московского историко-философского института в 1939 году А. Твардовский участвовал в освободительном походе Советской Армии в Западную Белоруссию и в финской кампании 1939—1940 годов в качестве специального корреспондента армейской печати.

Во время Великой Отечественной войны А. Твардовский работал во фронтовых газетах. В 1941—1945 годах написал поэму «Василий Теркин», отмеченную в 1946 году Сталинской премией первой степени. В 1947 году за поэму «Дом у дороги» А. Твардовскому присуждена Сталинская премия второй степени. В 1951 году изданы его «Стихотворения и поэмы в двух томах» (Гослитиздат).

А. Твардовский — член Коммунистической партии Советского Союза. На XIX съезде партии он избран членом Центральной ревизионной комиссии КПСС.

А. Твардовский является депутатом Верховного Совета РСФСР. А. Твардовский награжден орденами Ленина, Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды.

І. ЗА ДАЛЬЮ — ДАЛЬ

Пора! Ударил отправленье
Вокзал, огнями залитой,
И жизнь, что прожита с рожденья,
Уже как будто за чертой.

Я видел, может быть, полсвета
И вслед за веком жить спешил,
А между тем дороги этой
За столько лет не совершил,
Хотя своей считал дорогой
И про себя ее берег,
Как книгу, что прочесть до срока
Все собирался и не мог.
Мешало многое другое,
Что нынче в памяти у всех.
Мне нужен был запас покоя,
Чтоб ей отдаться без помех.
Но книги первую страницу
Я открываю в срок такой,
Когда покой, как говорится,
Опять уходит на покой...

Я еду. Малый дом со мною,
Что каждый в путь с собой берет.
А мир огромный за стеною,
Как за бортом вода, ревет.
Он над моей поет постелью
И по стеклу сечет крупой,
Дурной, безвременной метелью
Свистит и воет вразнобой.
Он полон сдавленной тревоги,
Беды, что очереди ждет.

Он здесь еще слышней, в дороге,
Лежащей прямо на восход...

Я еду. Спать бы на здоровье,
Но мне покамест не до сна:
Еще огнями Подмосковья
Снаружи ночь озарена.
Еще мне хватит этой полки,
Еще московских суток жаль.
Еще такая даль до Волги,
А там-то и начнется даль —
За той великой водной гранью.
И эта лестница из шпал,
Пройдя Заволжье,
Предуралье,
Взойдет отлого на Урал,
Урал, чьей выработки сталью
Звенит под нами магистраль.

А за Уралом —
Зауралье,
А там своя, иная даль.

А там Байкал, за тою далью,
В полсуток обогнуть едва ль.
А за Байкалом —
Забайкалье,
А там еще другая даль,
Что обернется далью новой;
А та, неведомая мне,
Еще с иной, большой, суровой,
Сомкнется и пройдет в окне...

А той порой, отменно точный,
Всего пути исполнив срок,
Придет состав дальневосточный
На Дальний, собственно, Восток,
Где перед станцией последней,
У пограничного столба,
Сдается мне, с земли соседней
Глухая слышится пальба...

Но я еще с Москвою вместе,
Еще во времени одном.
И, точно дома перед сном,
Ее последних жду известий.
Она свой голос подает
И мне в моей дороге дальней.
А там из-за моря восход
Встает, как зарево, печальный.
И день войны, нещадный день,
Вступает в горы и долины,
Где городов и деревень
Дымятся вновь и вновь руины.
И длится вновь бессонный труд,
Страда защитников Кореи.
С утра усталые режут
Береговые батареи.

Близка, видна из дымной мглы
Броня бортов и башен серых.
— Огонь, огонь! —

Ревут стволы,
Чтоб защитить от моря берег.

Под небом огненным приют,
В горах скитаясь, ищут семьи.
— Огонь, огонь! —

Зенитки бьют,
Чтоб защитить от неба землю.

Разор и плен в родном краю
И смерть несут враги народу.
— Огонь, огонь! —

Народ в бою,
Чтоб защитить от них свободу...

Идут бои, горит земля.
Не нов, не нов жестокий опыт:
Он в эти горы и поля
Перенесен от стен Европы.

И вы, что горе привезли
На этот берег возрожденный,

От вашей собственной земли
Всем океаном отделенный, —
Хоть так, хоть сак рядитесь вы,
Но ошибется мир едва ли:
Мы вас встречали у Москвы
И до Берлина провожали.

Как нам ни памятна война,
Но в дни грозы, борьбы, страданья
Мы знали, чья была вина,
Кого постигнет наказание.

Народ — подвижник и герой —
Оружье зла оружием встретил.
За грех войны карал войной.
За смерть печатью смерти метил.
В борьбе исполнен новых сил,
Он в годы грозных испытаний
Восток и Запад пробудил —
И вот полмира в нашем стане.

Что ж, или тот урок забыт,
И вновь, под новым только флагом,
Живой душе война грозит,
Идет на мир знакомым шагом?
И, чуждый жизни, этот шаг,
Врываясь в речь ночных известий,
У человечества в ушах
Стоит, как явь и как предвестье.
С ним не забыться, не уснуть,
С ним не обвыкнуть и не сжиться.
Он — как земля во рву на грудь
Зарытым заживо ложится...

Дорога дальняя моя,
Окрестный мир земли обширной,
Родные русские поля,
В ночи мерцающие мирно,
Не вам ли памятны года,
Когда по этой магистрали

Во тьме оттуда и туда
Составы без огней бежали.
Когда тянулись вглубь страны
По этой насыпи и рельсам
Заводы — беженцы войны —
И с ними люди — погорельцы.
Когда, стволы зениток ввысь
Подняв над «улицей зеленой»,
Безостановочно неслись
Туда, на запад, эшелоны.
И только, может, мельком взгляд
Тоски немой и бесконечной
Из роты маршевой солдат
Кидал на санитарный встречный...

Та память вынесенных мук
Жива, притихшая, в народе,
Как рана, что нет-нет и вдруг
Заговорит к дурной погоде...

Но, люди, счастье наше в том,
Что мы хотим его упорно,
Что на века свой строим дом,
Свой мир живой и рукотворный.
Он всех людских надежд оплот,
Он всем людским сердцам доступен,
Его ли смерти мы уступим?..

На Спасской башне полночь бьет...

II. СЕМЬ ТЫСЯЧ РЕК

Еще сквозь сон на верхней полке
Расслышал я под стук колес,
Как слово первое о Волге
Негромко кто-то произнес.

Встаю — вагон с рассвета в сборе,
Теснясь у каждого окна,
Уже толпится в коридоре, —
Уже вблизи была она.

И пыл волнения необычный
Всех сразу сблизил меж собой,
Как перед аркой пограничной
Иль в первый раз перед Москвой.

И мы стоим с майором в паре,
Припав к стеклу, плечо в плечо,
С кем ночь в купе одном проспали
И не знакомились еще.
Стоим и жадно курим оба,
Полны взаимного добра,
Как будто мы друзья до гроба
Иль вместе выпили с утра.
И уступить спешим друг другу
Мы лучший краешек окна.
И вот мою он тронул руку
И словно выдохнул:

— Она!

Она! — И тихо засмеялся,
Как будто Волгу он, сосед,
Мне обещал, а сам боялся,
Что вдруг ее на месте нет.
— Она! —

И справа, недалеко,
Моста не видя впереди,
Мы видим плес ее широкий
В разрыве поля на пути.

Казалось, поезд этот с ходу —
Уже спасенья не проси —
Взлетит, внизу оставив воду,
Убрав колеса, как шасси.

Но нет, смиренно ход убавив
У будки крохотной поста,
Втянулся он, как подобает,
В тоннель решетчатый моста
И загремел над ширью плеса,
Покамест сотни звонких шпал,
Поспешно легших под колеса,
Все до одной не перебрал...

И не успеть взглядеться толком,
А вот уже ушла из глаз
И позади осталась Волга,
В пути не покидая нас,
Не уступая добровольно
Раздумий наших и речей
Ничьей иной красе окольной
И даже памяти ничьей.
Ни этой дали, этой шири,
Что новый край за ней простер.
Ни дерзкой славе рек Сибири,
Коль их касался разговор.
Ни заграницам отдаленным,
Ни любопытной старине,
Ни городам, вчера рожденным,
Как будто взятым на войне.
Ни новым замыслам ученым,
Ни самым, может быть, твоим
Воспоминаньям береженным,
Местам, делам и дням иным...

Должно быть, той влекущей силой,
Что люди знали с давних лет,
Она сердца к себе манила,
Звала их за собою вслед.
Туда, где нынешнюю славой
Не смущена еще ничуть,
Она привычно, величаво
Свой древний совершала путь...

Семь тысяч рек, ни в чем не равных:
И с гор стремящих бурный бег,
И меж полей в изгибах плавных
Текущих вдаль — семь тысяч рек
Она со всех концов собрала —
Больших и малых — до одной,
Что от Валдая до Урала
Избороздили шар земной.
И в том родстве переплетенном,
Одной причастные семье,
Как будто древом разветвленным
Расположились по земле,

Пусть воды их в ее течение
Неразличимы, как одна.
Краев несчетных отраженье
Уносит волжская волна.
В нее смотрелось пол-России:
Равнины, горы и леса,
Сады и парки городские,
И вся наземная краса.
Кремлевских стен державный гребень,
Соборов главы и кресты,
Ракиты старых сельских гребель,
Многопролетные мосты,
Заводы, вышки буровые,
Деревни с пригородом смесь,
И школьный дом, где ты впервые
Узнал, что в мире Волга есть.

Вот почему нельзя не верить,
Любуясь этою волной,
Что сводит Волга — берег в берег —
Восток и Запад над собой,
Что оба края воедино
Над нею сблизились навек,
Что Волга — это середина
Земли родной. Семь тысяч рек!

Недаром наш народ веками,
Невольный вздох тая в груди,
С ней тосковал об океане,
Куда ей не было пути.

И это чувство поколений,
И эту русскую нужду
Великий вождь Владимир Ленин
Меж прочих дел держал в виду.
И, уходя от нас, оставил
Среди иных и тот завет,
Что в наши дни исполнил Сталин,
Защитник Волги в годы бед.

В степи к назначенному сроку,
Извечный свой нарушив ход,

Она пришла донской дорогой
В бескрайний плес всемирных вод.
Ее стремленью уступила
Водораздельная гора.
И стало явью то, что было
Мечтой еще царя Петра.

И знают все на свете страны,
Все острова, материки:
Сроднились воды океана
И Волги-матушки реки.

Пусть в океанском том смещенье
Ее волна растворена,
Земли родимой отраженье
Уже и там несет она.

И, в эту даль нас провожая,
Напоминает нам сейчас,
Мол, у меня вы все — волжане,
А я — одна у всех у вас.
И званье матушка носила
В пути своем не век, не два
Лишь я, да матушка-Россия,
Да с нами матушка-Москва.

Своим — своя, чужим — чужая,
Я службу гордую несую,
Грядущей славой мир венчая,
Его величье и красу,
Его незыблемую силу,
Его на свете торжество,
Его Москву, его Россию
И друга первого его.

III. ДВЕ КУЗНИЦЫ

На хуторском глухом подворье,
В тени обкуренных берез
Стояла кузница в Загорье,
И я при ней с рожденья рос.

И отсвет жара горнового
Под закопченным потолком,
И свежесть пола земляного,
И запах дыма с деготком
Привычны мне с тех пор, пожалуй,
Как там, взойдя к отцу в обед,
Мать на руках меня держала,
Когда ей было двадцать лет...

Я помню нашей наковальни
В лесной тиши сиротский звон,
Такой усталый и печальный
По вечерам, как будто он
Вещал вокруг о жизни трудной,
О скудном вырубкою дне
В той небогатой, малолюдной,
Негромкой нашей стороне,
Где меж болот, кустов и леса
Терялись бойкие пути;
Где мог бы все свое железю
Мужик подмышкой унести;
Где был заказчик — гость случайный,
Что к кузнецу раз в десять лет
Ходил, как к доктору, от крайней
Нужды, когда уж мочи нет.

И этот голос наковальни,
Да скрип мехов, да шум огня
С далекой той поры начальной
В ушах не молкнет у меня.
Не молкнет память жизни бедной,
Обидной, горькой и глухой,
Пусть исчезнувшей бесследно,
С отцом ушедшей на покой.

И пусть она не повторится,
Но я с нее свой начал путь,
Я и добром, как говорится,
Ее обязан помянуть
За все ребячьи впечатленья,
Что в зрелый век с собой принес,
За эту кузницу под тенью
Дымком обкуренных берез.

На малой той частице света
Была она для всех вокруг
Тогдашним клубом, и газетой,
И академией наук.

И с топором отхожим плотник,
И старый воин — грудь в крестах,
И местный мученик — охотник
С ружьишком ветхим на гвоздях,
И землемер, и дьякон медный,
И в блестках сбруи коновал,
И скупщик лиха Ицка бедный, —
И кто там только не бывал!

Там был приют суждений ярых
О недалекой старине,
О прежних выдумщиках — барах,
Об ихней пище и вине;
О загранице и России,
О хлебных сказочных краях,
О боге, о нечистой силе,
О полководцах и царях;
О нуждах мира волостного,
Затмениях солнца и луны,
О наставленьях Льва Толстого
И притесненьях от казны...

Там человеческой природе
Отрада редкая была
Побыть в охоту на народе,
Забыть, что жизнь невесела.
Сиди, пристроившись в прохладе,
Чужой махоркою дыми,
Кряхти, вздыхай — не скуки ради,
А за компанию с людьми.
И словно всяк — хозяин-барин,
И ни к чему спешить домой...

Но я особо благодарен
Тем дням за ранний навык мой.
За то, что там ребенком малым
Познал, какие чудеса
Творит союз огня с металлом
В согласье с волей кузнеца.

Я видел в яви это диво,
Как у него под молотком
Рождалось все, чем пашут ниву,
Корчуют лес и рубят дом.

Я им гордился бесконечно,
Я знал уже, что мастер мог
Тем молотком своим кузнечным
Сковать такой же молоток.
Я знал не только понаслышке,
Что труд его в большой чести,
Что без железной кочедышки
И лаптя толком не сплести.

Мне с той поры в привычку стали
Дутья тугой, бодрящий рев,
Тревожный свет кипящей стали
И под ударом взрыв паров.
И садкий бой кувалды древней,
Что с горделивою тоской
Звенела там, в глуши деревни,
Как отзвук славы заводской...

Полжизни с лишком миновало,
И дался случай мне судьбой
Кувалду главную Урала
В работе видеть боевой.
И хоть волною грозной жара
Я был далеко отстранен,
Земля отчетливо дрожала
Под той кувалдой в тыщи тонн...
Казалось, с каждого удара
У всех под пятками она
С угрюмым стоном припадала,
До скальных недр потрясена...

И пусть тем грохотом вселенским
Я был вначале оглушен,
Своей кувалды деревенской
Я в нем родной расслышал звон.
Я запах, издавна знакомый,
Огня с окалиной вдыхал,
Я был в той кузнице, как дома,
Хоть знал, что это был Урал.

Урал! Завет веков и вместе —
Предвестье будущих времен,
И в наши души, точно песня,
Могучим басом входит он —
Урал! Опорный край державы,
Ее добытчик и кузнец,
Ровесник древней нашей славы
И славы нынешней боец.

Когда на запад эшелоны,
На край пылающей земли
Ту мощь брони незачехленной
Стволов и гусениц везли, —
Тогда, бывало, поголовно
Весь фронт огромный повторял
Со вздохом нежности сыновней
Два слова:

— Батюшка-Урал...

Урал! И ныне люд вагонный
Среди своих бесед, забав,
Когда, добром его груженный,
На встречной воздух рвет состав, —
Невольно связь речей теряя,
На миг как будто шапку снял,
Примолкнет, сердцем повторяя
Два слова:

— Батюшка-Урал...

Урал! Я нынче еду мимо,
И что-то сжалось в груди:
Тебя, как будто край родимый,
Я оставляю позади.
Но сколько раз в дороге дальней
Я повторю — как лег, как встал, —
И все теплей и благодарней
Два слова:

— Батюшка-Урал...

Урал! Невольною печалью
Я отдаю прощанью дань...
А за Уралом —
Зауралье,
А там своя, иная даль.

IV. ДВЕ ДАЛИ

Иная даль, иная зона,
И не гранит под полотном —
Глухая мягкость чернозема
И степь без края за окном.
И на ее равнине плоской —
Где малой рощицей, где врозь —
Старообразные березки
Белеют — голые, как кость.
Идут, сквозные, негустые,
Вдоль горизонта зелены
Да травы изжелта-седые,
Под ветром ждущие огня.
И час за часом край все шире,
Уже он день и два в окне,
Уже мы едем в той стране,
Где говорят:
— У нас, в Сибири...

Сибирь! Не что-то там вдали,
Во мгле моей дороги длинной,
Не бог весть где, не край земли,
А край такой же срединный,
Как на Урале был Урал,
А там — Поволжье, Подмосковье,
И все, что ты уже терял
За неустанной встречной новью.

И ненасытная мечта
В пути находит неизменно:
Две дали разом — та и та —
Влекут к себе одновременно...

Стожок подщипанный сенца,
Колодец, будка путевая.
И в оба от нее конца
Уходят, землю обвивая,
Две эти дали, как одна.
И обе вдруг душе предстали.
И до краев душа полна
Теплом восторга и печали...

Опять рассвет вступил в окно —
Ему все ближе путь с востока.
А тот стожок давным-давно
Уже на западе далеко.
И словно год назад прошли
Уральской выемки откосы,
Где громоздились из земли
Пласты породы, как торосы.
И позади вдали места,
Что так же шли в окне вагона.
И Волга — с волжского моста,
И все за нею перегоны.
Столичный пригород, огни,
Что этот поезд провожали,
И те, что в этот час в тени
Или в лучах закатных дали.

С дороги — через всю страну —
Я вижу отчий край смоленский
И вспомнить вновь не премину
Мой первый город деревенский.

Он славой с древности гремел,
Но для меня в ребячью пору
Названья даже не имел —
Он был один, был просто город.

И, как тогда я ни был мал,
Я не забыл и не забуду
Тот запах, что в избу вступал
С отцом, приехавшим оттуда.

Как будто с поскрипом сеней,
С морозным облаком надворья,
В былинках сена из саней
Сам город прибывал в Загорье.

Нездешний, редкий, привозной,
Тревожно-праздничный и пряный,
То запах жизни был иной —
Такой несбыточной и странной.

Он долго жил для нас во всем:
В гостинце каждом и покупке,

В нагольном старом полушубке,
Что побыл в городе с отцом.

Волнению давнему парнишки
Доступна полностью душа,
Как вспомню запах первой книжки
И самый вкус карандаша.

Всем, чем к земле родной привязан,
Чем каждый день и час дышу,
Я, как бы ни было, обязан
Той книжке и карандашу,
Тому ребячьему смятенью,
С каким касался их рукой
И приступал к письму и чтенью —
Науке первой городской.

И что ж такого, что с годами
Я к той поре глухим не стал
И все взыскательнее память
К началу всех моих начал.
Я счастлив тем, что я оттуда,
Из той зимы, из той избы.
И счастлив тем, что я не чудо
Особой, избранной судьбы.

Мы все — почти что поголовно —
Оттуда люди, от земли,
И дальше деда родословной
Не знаем: предки не вели,
Не беспокоились о древе,
Рождались, жили в свой черед,
Хоть род и мой — он так же древен,
Как, скажем, твой, читатель, род...

Читатель! Друг из самых лучших,
Из всех попутчиков попутчик,
Из всех своих особо свой,
Все кряду слушать мастер дивный,
Неприхотливый, безунывный
(Не то что слушатель иной,
Что нам встречается в натуре:
То у него сонливый вид,

То он свистит, глаза прищуря,
То сам прорваться норовит).

Пусть ты меня уже оставил,
Загнув странички уголок,
Зевнул — хоть это против правил —
И даже пусть на некий срок
Вздремнул ты, лежа или сидя,
С моею книжкой под рукой,
Того не зная и не видя,
Я на тебя и не в обиде:
Я сам, по слабости, такой.

Продолжим, стало быть, беседу.
Для одного тебя, учти,
Я с юных дней иду и еду
И столько лет уже в пути.
И все одна командировка.
Она мне слишком дорога.

Но что там — вроде остановка?
— Какая станция?
— Тайга.

Состав стоит, пробег немалый
В пути оставив за хвостом.
И от уставшего металла
Внизу течет звенящий стон.
Снаружи говор оживленный,
В окне перрон, как днем светло.
Опять за стенкою вагонной
Полтыщи верст в ночи прошло.
Прошли мосты, мелькнули реки,
Минули целые края,
Которых, может быть, веки
Вот так и не увижу я.
И что за земли — знать не буду —
Во сне ушли из-под колес.
А тут еще весны причуды —
Не вспять ли время подалось?

Как будто мы в таежный пояс
Вошли за станцией Тайгой.
Теплом полей обдутый поезд

Как будто взял маршрут другой.
Как будто вдруг сменился климат.
Зима — и все вокруг бело.
Сухой пурги дремотным дымом
Костлявый лес заволокло.

Но с путевой надежной сталью
Смыкая туго сталь колес,
Спешит состав за новой далью.
Гребет пространство паровоз
И разрывает мир единый,
Что отступает с двух сторон,
На две большие половины,
На юг и север вдоль окон.

Сквозь муть пурги еще невнятно
Вступает новый край в права.
А где-то там, в дали обратной,—
Урал, и Волга, и Москва,
Смоленск, мосты и переправы
Днепра, Березины, Двины,
Весь запад — до границ державы
И дальше — по следам войны,
По рубежам ее остывшим,
По блиндажам ее оплывшим,
По стольким памятным местам...

Я здесь, в пути, но я и там —
И в той дороге незабвенной,
У тех, у дорогих могил,
Где ты, мой друг поры военной,
С войсками фронта проходил.

Хоть та пора всё дале, дале,
Всё больше верст, всё больше дней.
Хоть свет иной, желанной дали
В окне вагона всё видней.

V. ЛИТЕРАТУРНЫЙ РАЗГОВОР

А скажем прямо, что не шутки —
Уже одно житье-бытье,
Когда в дороге третьи сутки —
Еще едва ли треть ее.

Когда в пути почти полмира,
Через огромные края
Пройдет вагон — твоя квартира,
Твой дом и улица твоя...

В такой дороге крайне дорог
Особый лад на этот срок,
Чтоб все тебе пришлось впору,
Как добрый по ноге сапог.
И время года, и погода,
И звук привычного гудка,
И даже радио в охоту,
И самовар проводника...

С людьми в дороге надо сжиться,
Чтоб стали, как свои, тебе
Впервые встреченные лица
Твоих соседей по купе.
Как мой майор, седой и тучный,
С краснотцей жесткой бритых щек
Иль этот старичок научный,
Сквозной, как молодой сморчок.

И чтоб в привычку стали вскоре,
Как с давних пор заведено,
Полузнакомства в коридоре,
Где на двоих-троих окно.
Где моряка хрустящий китель
В соседстве с мягким пиджаком,
Где областной руководитель —
Не в кабинете со звонком.
Где в орденах старик кудрявый
Таит в улыбке торжество
Своей, быть может, громкой славы,
Безвестной спутникам его.
Где дама строгая в пижаме
Загромоздит порой проход,
Смущая щеголя с усами,
Что не растут такие сами
Без долгих, вдумчивых забот.
Где все — как все: горняк, охотник,
Путеец, врач солидных лет
И лысый творческий работник,

С утра освоивший буфет.
Все сведены дорожной далью:
И тот, и та, и я, и вы,
И даже — к счету — поп с медалью
Восьмисотлетия Москвы...

И только держатся особо,
Друг другом заняты вполне, —
Выпускники, наверно, оба —
Молодожены в стороне.
Рука с рукой — по-детски мило —
Они у крайнего окна
Стоят посередине мира —
Он и она, муж и жена.
Своя безмолвная беседа
У этой новенькой четы.
На край земли, быть может, едут,
А может, только до Читы.
Ну, до какой-нибудь Могочи,
Что за Читую невдали.
А может, путь того короче,
А что такое край земли?
Тот край и есть такое место,
Как раз такая сторона,
Куда извечно, как известно,
Была любовь устремлена.
Ей лучше знать, что все едино,
Что место, где ни загадай,
Оно — и край, и середина,
И наша близь, и наша даль.
А что ей в мире все напасти,
Когда при ней ее запас!
А что такое в жизни счастье?
Вот это самое как раз —
Их двое, близко ли, далеко,
В любую часть земли родной,
С надеждой ясной и высокой
Держащих путь — рука с рукой...

Нет, хорошо в дороге долгой
В купе освоить уголок
С окошком, столиком и полкой
И ехать, лежа поперек

Дороги той.

И ты не прежний,
Не тот, чем звался, знался, жил,
А безымянный, безмятежный,
Спокойный, дальний пассажир.
И нет на лбу иного знака,
Дымишь, как всякий табакур.
Отрада полная.

Однако
Не обольщайся чересчур...

Хоть не в твоей совсем натуре
Трибуной тешиться в пути,
Но эту дань литературе
И здесь приходится нести.
Провинциальный ли, столичный —
Читатель наш воспитан так,
Что он особо любит личный
Иметь с писателем контакт,
Заполнить устную анкету
И на досуге, без помех
Призвать, как принято, к ответу
Не одного тебя, а всех.

Того-то вы не отразили,
Того-то не дали опять.
А сколько вас в одной России?
Наверно, будет тысяч пять.
Мол, дело, собственно, не в счете.
Но мимо вас проходит жизнь,
А вы, должно быть, водку пьете,
По кабинетам запершись.
На стройку вас, в колхозы срочно.
Оторвались, в себя ушли...

И ты киваешь:
— Точно, точно,
Не отразили, не учли...

Но вот другой:
— Ах, что там — стройка,
Завод, колхоз! Не в этом суть.
Бывает, их наедет столько,
Творцов, певцов. А толку — чуть.

Роман заранее напишут,
Приедут, пылью той подышат,
Потычут палочкой в бетон,
Сверяя с жизнью первый том.
Глядишь, роман, и все в порядке:
Показан метод новой кладки,
Отсталый зам, растущий пред
И в коммунизм идущий дед.
Она и он передовые,
Мотор, запущенный впервые,
Парторг, буран, прорыв, аврал,
Министр в цехах и общий бал.
И все похоже, все подобно
Тому, что есть иль может быть,
А в целом — вот как несъедобно,
Что в голос хочется завывать.
Да неужели в самом деле
Тоска такая все кругом —
Все наши дни, труды, идеи
И завтра нашего закон?
Нет, как хотите, добровольно
Не соглашусь, не уступлю.
Мне в жизни радостно и больно,
Я верю, мучаюсь, люблю.
Я счастлив жить, служить Отчизне,
Я за нее ходил на бой.
Я и рожден на свет для жизни —
Не для статьи передовой.
Кончаю книгу в раздраженье.
С души воротит: где же край?
А края нет. Есть продолженье.
Нет, братец, хватит. Совесть знай.

И ты киваешь:
— Верно, верно.
Понятно, критика права...

Но ты их слышать рад безмерно,
Все эти горькие слова.

За их судом и шуткой грубой
Ты различаешь без труда
Одно, что дорого и люблю

Душе, мечте твоей всегда,—
Желанье той счастливой встречи
С тобой иль с кем-нибудь иным,
Где жар живой, правдивой речи,
А не вранья холодный дым.
Где все твое незаменимо,
И есть за что тебя любить,
И ты тот самый, тот любимый,
Каким еще мечтаешь быть.

И ради той любви бесценной,
Забыв о горечи годов,
Готов трудиться ты и денно
И ночью — душу сжечь готов.
Готов на все суды и толки
Махнуть рукой. Все в этом долге,
Все в этой доблести! А там...

Вдруг новый голос с верхней полки:

- Не выйдет...
- То есть как?
- Не дам...

Не то чтоб это окрик зычный,
Нет, но особый жесткий тон,
С каким начальники обычно
Отказ роняют в телефон.

- Не выйдет,— протянул вторично.
- Но кто вы там, над головой?
- Ты это знаешь сам отлично...
- А все же?
- Я редактор твой.

И с полки голову со смехом
Мой третий свесил вдруг сосед:
— Ты думал что? Что ты уехал
И от меня? Нет, милый, нет.
Мы и в пути с тобой соседи,
И все я слышу в полусне.
Лишь до поры мешать беседе,
Признаться не хотелось мне.
Мне было попросту занято,

Смотрю: ну до чего хорош,
Ну как горяч невероятно,
Как смел! И как ты на попятный
От самого себя пойдешь?
Как, позабавившись игрою,
Ударишь сам себе отбой?
Зачем? Затем, что я с тобою —
Всегда, везде — редактор твой.

Ведь ты над белою бумагой,
Объятый творческой мечтой,
Ты, умник, без меня ни шагу,
Ни строчки и ни запятой.
Я только мелочи убавлю
Там, сям — и ты как будто цел.
И все нетронутым оставляю,
Что сам ты вычеркнуть хотел.
Там карандаш, а тут резинка,
И все по чести, все любя.
И в свет ты выйдешь, как картинка,
Какой задумал я тебя.

— Стой, погоди, — сказал я строго,
Хоть самого кидало в дрожь. —
Стой, погоди, ты слишком много,
Редактор, на себя берешь!

И, голос вкрадчиво снижая,
Он отвечает:
— Не беру.
Отнюдь. Я все препоручаю
Тебе и твоему перу.
Мне самому-то нет расчету
Корпеть, черкать, судьбу клая,
Понятно? Всю мою работу
Ты исполняешь за меня.
Вот в чем секрет, аника-воин,
И спорить незачем теперь.
Все так. И я тобой доволен
И не нарадуюсь, поверь.
Я всем тебя предпочитаю,
Примером ставлю: вот поэт,
Кого я просто не читаю:
Тут опасаться нужды нет.

И подмигнул мне хитрым глазом:
Мол, ты, да я, да мы с тобой...
Но тут его прервал я разом:
— Поговорил — слезай долой.

В каком ни есть ты важном чине,
Но я тебе не подчинен
По той одной простой причине,
Что ты не явь, а только сон
Дурной. Бездарность и безделье
Тебя, как пугало земли,
Зачав с угрюмого похмеля,
На белый свет произвели.
В труде, в страде моей бессонной
Тебя и знать не знаю я.
Ты есть за этой только зоной,
Ты — тень одна. Ты — лень моя.
Встряхнусь — и нет тебя в помине,
И не слышна пустая речь.
Ты только в слабости, в унынье
Меня способен подстеречь,
Когда, утратив пыл работы,
И я порой клоню к тому,
Что где-то кто-то или что-то
Перу помеха моему...
И о тебе все эти строчки
Чтоб кто другой, смеясь, прочел,—
Ведь я их выдумал до точки,
Я сам. А ты-то здесь при чем!

А между тем народ вагонный,
Как зал, заполнив коридор,
Стоял и слушал возбужденно
Весь этот жаркий разговор...

И молча тешились забавой
Майор с научным старичком.
И пустовала полка справа:
В купе мы ехали втроем.
И только — будь я суевером —
Я б утверждать, пожалуй, мог,
Что с этой полки запах серы
В отдушник медленно протек...

VI. В ДОРОГЕ

Когда в неизвестности до срока,
Не на виду еще, поэт
Творит свой подвиг одиноко,
Заветный свой хранит секрет,
Готовит людям свой подарок,
В тиши затеянный давно, —
Он может быть больным и старым,
Усталым — счастлив все равно.
И даже пусть найдет морока —
Нелепый толк, обидный суд,
Когда бранить его жестоко
На первом выходе начнут, —
Он слышит это и не слышит
В заботах нового труда.
Тем часом он — поэт, он пишет,
Он занимает города.
И все при нем в том добром часе:
Его Варшава, и Берлин,
И слава, что еще в запасе,
И он на свете не один.

И пусть за критиками следом
В тот гордый мир войдет жена,
Коснувшись, к слову, за обедом
Вопросов хлеба и пшена, —
Все эти беды — к малым бедам,
Одна беда ему страшна.

Она придет в иную пору,
Когда он некий перевал
Преодолеет, взойдет на гору
И отовсюду виден стал.
Когда он всеми шумно встречен,
Самим Фадеевым отмечен,
Пшеном в избытке обеспечен,
Друзьями в классики намечен,
Почти уже увековечен,
И хватать писать — пропал запал.

Пропал запал. По всем приметам
Твой горький день вступил в права.
Все — звоном, запахом и цветом —
Нехороши тебе слова.

Недостоверны мысли, чувства,
Ты смотришь в них — не те, не те...
И все вокруг мертво, и пусто,
И тошно в этой пустоте.

Да, дело будто бы за малым,
А хватать-похватать — и ни рожна.
И здесь беда, что впрямь страшна,
Здесь худо быть больным, усталым,
Здесь горько молодость нужна!
Чтоб не смириться виновато,
Не быть у прошлого в долгу,
Не говорить: я мог когда-то,
А вот уж больше не могу.
Но верным прежней быть гордыне,
Когда ты щедрый, не скупой,
И все, что сделано доньше,
Считаешь только черновой,
Когда, заминкой не встревожен,
Еще беспечен ты и смел,
Еще не думал, что положен
Тебе хоть где-нибудь предел.
Когда, покамест суд да справа,
Богат, широк — полна душа —
Ты водку пьешь еще для славы,
Не потому, что хороша.
И врешь еще для интересу,
Что труд суров и жизнь сложна...

Ах, как ты горько, дозарезу,
Попозже, молодость, нужна!

Пришла беда — и вроде не с кем
Делиться этою бедой.
А время жмет на все железки,
И не проси его: — Пстой,
Пвремени, крутое время,
Дай осмотреться, что к чему.
Дай мне в пути поспеть со всеми,
А то, мол, тяжело одному.

И знай, поэт, ты нынче вроде
Как тот солдат, что от полка
Отстал случайно на походе,
И сушит рот ему тоска.

Бредет обочиной дороги,
Туда ли, нет — не знает сам
И счет в отчаянной тревоге
Ведет потерянным часам.
Один в пути — какой он житель!
Догнать, явиться: виноват,
Отстал, взыщите, накажите!
А как наказан, так солдат,
Так свой опять — и дело свято
Хоть потерпел, зато учен,
А что еще там ждет солдата,
То все на свете нипочем...

Изведав горькую тревогу,
В беде уверившись вполне,
Я в эту бросился дорогу,
Я знал, она поможет мне.

Иль не меня четыре года,
Покамест шла войны страда,
Трепала всякая погода,
Мотала всякая езда.
И был мне тот режим не вреден,
Я жил со всеми наравне.
Давай-ка, брат, давай поедem,
Не столько свету, что в окне.

Скорее вон из кельи тесной,
И все не так, и ты хорош, —
Самообман давно известный,
Давно испытанный, а все ж
Пусть трезвый опыт не перечит,
Что нам дорога — лучший быт.
Она трясет и бьет, а лечит.
И старит нас, а молодит.

Понять ли доброму соседу,
Что подо мной внизу в купе,
Как сладко мне слова: «Я еду,
Я еду» — повторять себе.
И сколько есть в дороге станций,
Наверно б, я на каждой мог
Сойти с вещами и остаться
На некий неизвестный срок.

Я рад любому месту в мире,
Как новожил московский тот,
Что счастлив жить в любой квартире,
Какую бог ему пошлет.
Я в скуку дальних мест не верю,
И край, где нынче нет меня,
Я ощущаю, как потерю
Из жизни выбывшего дня.
Я сердце по свету рассеять
Готов. Везде хочу поспеть.
Мне нужны разом юг и север,
Восток и запад, лес и степь,
Моря и каменные горы,
И вольный плес равнинных рек,
И мой родной далекий город,
И тот, где не был я вовек,
И те края, куда я еду,
И те места, куда нет-нет
По зарастающему следу
Уводит память давних лет.

Есть два разряда путешествий:
Один — пускаться с места вдаль,
Другой — сидеть себе на месте,
Листать обратно календарь.

На этот раз резон особый
Их сочетать позволит мне.
И тот и тот — мне кстати оба,
И путь мой выгоден вдвойне.

Помимо прочего, при этом
Я полон радости побыть
С самим собою, с белым светом,
Что в жизни вспомнить, что забыть...

Но знай, читатель, эти строки,
С отрадой лежа на боку,
Сложил я, будучи в дороге,
От службы как бы в отпуску,
Подальше как бы от начальства.
И если доброй ты души,
Ты на меня не ополчайся
И суд свой править не спеши.

Не метусись, как критик вздорный,
По пустякам не трать огня
И не ищи во мне упорно
Того, что знаешь без меня...
Повремени вскрывать причины
С угрюмой важностью лица.
Прочти хотя б до половины.
Авось, прочтешь и до конца.

1950—1952.

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. За далью — даль	3
II. Семь тысяч рек	7
III. Две кузницы	11
IV. Две дали	16
V. Литературный разговор	20
VI. В дороге	28

Редактор — Г. ЯРЦЕВ.

А 00723. Подписано к печати 5/II 1954 г. Тираж 150.000 экз. Заказ 3233.

Изд. № 151. Формат бумаги 70 × 108½. 0,5 бум. л.— 1,37 печ. л.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.
Москва, улица «Правды», 24.

Не забудьте
застраховать

СВОЁ

ДОМАШНЕЕ ИМУЩЕСТВО

Госстрах СССР принимает на страхование мебель, одежду, обувь, музыкальные инструменты, книги, картины, ноты, пищевые и швейные машины, радиоустановки, телевизоры, велосипеды, сельскохозяйственные продукты и другое имущество.

Платежи за страхование домашнего имущества взимаются с каждой 1000 рублей страховой суммы в размере: в городах и рабочих поселках — от 1 до 4 рублей; в сельских районных центрах и дачных поселках — от 2 до 5 рублей; в остальных сельских местностях — от 2 до 12 рублей.

В случае гибели или повреждений имущества от пожара, наводнения и других стихийных бедствий Госстрах выплачивает страховое возмещение.

ДЛЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА СТРАХОВАНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ В ИНСПЕКЦИИ ИЛИ К АГЕНТАМ ГОССТРАХА.